На правах рукописи

Маркевич Юлия Васильевна

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ «СОВЕСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

10.02.19 Теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар – 2020

Работа выполнена на кафедре иностранных языков №1 института фундаментальных наук ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков №1 института фундаментальных наук ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» **Воркачев Сергей Григорьевич**

Официальные оппоненты:

– доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» **Манаенко Геннадий Николаевич;**

– доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» **Гулинов Дмитрий Юрьевич.**

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

Защита состоится 16 февраля 2021 года в 9:30 на заседании диссертационного совета Д 212.101.19 при ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и на официальном сайте: http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1435

Автореферат разослан «__» января 2021 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета С.Г. Буданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено комплексному исследованию лингвокультурного смысла «совесть» в русской и французской языковых картинах мира (ЯКМ).

Совесть принадлежит к разряду важнейших понятий в истории европейской культуры. Апелляция к совести является действенным орудием воспитания и важнейшим атрибутом процесса социализации. Специфика совести проявляется в ее образах, запечатленных в разных языках, что не может не вызывать интерес у лингвистической науки, так как в ней отражены вербализованные представления о внутреннем мире человека как носителя определенной культуры.

Актуальность исследования определяется необходимостью в комплексном изучении вербализации лингвокультурного смысла «совесть» в современном русском и французском языках; недостаточной изученностью семантических особенностей многозначной лексемы *conscience* в сопоставительном аспекте.

Степень разработанности темы исследования. Обобщение существующих исследований лингвокультурного смысла «совесть» в русском языке демонстрирует значительную разработанность данной темы [Апресян, 1995; Арутюнова, 2000; Урысон, 2000; Степанов, 2004; Музафалова, 2011; Фабиан, 2012], в первую очередь на основе фразеологического и паремиологического фонда языка; подробно изучена семантическая эволюция соответствующей лексемы [Колесов, 2004; Прохоров, 2004; Дмитриева, 2017]. «Совесть» в русском языке исследовалась на основе данных из Национального корпуса русского языка [Бочкарев, 2016; Карасик, Китанина, 2019], данных народных говоров [Редько, 2019], публицистических текстов [Аверина, 2014], произведениях художественной литературы отдельных писателей [Спасская, 2005; Лаврова, 2013; Бокова, 2015].

Становилась объектом исследования и вербализация лингвокультурного смысла «совесть» в таких языках, как английский [Кононова, 2008; Белова, 2010; Заика, 2011; Петер, Мкртчян, 2014], французский [Голованивская, 2009], немецкий [Чижова, 2006; Отарова, 2015], польский [Зубрицкая, 2010], удмуртский [Душенкова, 2012] и др.

Лингвокультурный смысл «совесть» достаточно широко

изучался в сопоставительном аспекте [Пименова, 2003; Шахманова, 2008; Стефанский, 2008; Пименова, 2009; Свиридова, 2010; Гучепшокова, 2011; Луценко, 2012; Бойчук, 2013; Тищенко, 2013; Чулкина, 2016; Бойчук, Шульдешова, 2017]; основная тематика подобных исследований заключается в сравнительном анализе языковых образов совести в русском и каком-либо другом (чаще всего – в английском) языке на основе лексикографических источников. Понятие «совесть» рассматривается и в лингвопереводческом аспекте [Золотова, Буренко, 2016; Школьникова, 2019].

Между тем до настоящего времени, насколько известно, не проводился комплексный анализ особенностей функционирования вербализаторов лингвокультурного смысла «совесть» на базе фразеологического и паремиологического фондов и корпуса художественных текстов ни в русском, ни во французском языках; соответственно, не был проведен и их сопоставительный анализ. Неизвестны нам и исследования особенностей вербализации смыслов при контекстном разрешении многозначности французской лексемы *conscience*. В свою очередь эти моменты имеют значительный лингвокультурологический и дидактический потенциалы.

Объектом исследования является лингвокультурный смысл «совесть» в русском и французском языках.

В качестве **предмета исследования** выступают семантические особенности языковых единиц, репрезентирующих лингвокультурный смысл «совесть», в русском и французском языках.

Цель работы заключается в комплексном анализе семантико-прагматических особенностей вербализации лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках и в выявлении особенностей контекстного разрешения многозначности лексемы *conscience* во французском языке.

Для достижения намеченной цели в работе ставятся следующие **задачи**:

1) построить семантический прототип понятия «совесть» в научном сознании;

2) выделить семантические признаки лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках;

3) изучить сходства и различия в функционировании средств выражения лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках;

4) исследовать вариативность семантики лексемы *conscience* под влиянием различных дискурсивных факторов;

5) выявить особенности контекстного разрешения многозначности лексемы *conscience* во французском языке.

Материалом диссертационного исследования послужила художественная проза русских и французских авторов XX–XXI вв., общий объем составил более 4000 примеров (2337 русских и 1887 французских), а также параллельные французско-русские тексты из Национального корпуса русского языка – произведения художественной или публицистической литературы XIX–XXI веков. Также источником языкового материала послужили толковые, энциклопедические, паремиологические, синонимические, фразеологические и другие словари.

Цель и задачи данной работы предопределили выбор таких **методов анализа**, как анализ дискурса, раскрывающий лингвокультурный смысл в научном и обыденном сознании, дефиниционный анализ, когнитивный анализ, контекстный анализ, а также элементы компонентного и количественного анализа.

Гипотеза исследования заключается в следующем. Специфика полисемии французского номинанта лингвокультурного смысла «совесть» находит свое отражение в образе совести во французской языковой картине мира и делает невозможным трансляцию русского смысла «совесть» во французский язык только при помощи лексемы *conscience*, являющейся основным вербализатором концепта.

Теоретической базой исследования послужили труды в области фразеологии, в области лингвокультурологии и лингвоконцептологии (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев и др.); работы, исследующие асимметричность и контекстную неоднозначность языкового знака (Ю. Д. Апресян, А. А. Зализняк, В. Б. Кашкин, Г. В. Колшанский, Б. Ю. Норман и др.); исследования межъязыковой эквивалентности и переводимости языковых единиц (Ф. А. Литвин, Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, Н. К. Гарбовский и др.).

Научная **новизна** работы заключается в применении лингвоконцептологического подхода к рассмотрению лингвокультурного смысла «совесть» и изучении специфики лексических, метафорических и фразеологических средств вербального выражения этого лингвокультурного смысла в русском и французском языках. В работе впервые: 1) выделены семантические признаки лингвокультурного смысла «совесть» в паремиологическом и фразеологическом фонде русского и французского языков, а также в иллюстративном корпусе художественной литературы на обоих языках; 2) произведен сопоставительный анализ составляющих лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках; 3) изучена многозначность лексемы *conscience* во французском языке; 4) произведен сравнительный анализ переводческих решений при переводе французской лексемы *conscience* на русский язык; 5) выявлены особенности контекстного разрешения многозначности лексемы *conscience* во французском языке.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии основных положений когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии и семантики применительно к лингвокультурному смыслу «совесть» в русском и французском языках, а также в расширении понимания взаимосвязи актуальных для современной теории языка понятий лингвокультуры, концепта, смысла, языковой картины мира. Результаты и методология исследования специфики представлений о совести в русской и французской ЯКМ могут быть экстраполированы на другие духовные и этические категории в разных языках.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты и анализируемый языковой материал могут быть использованы в курсах по теории языка, лингвокультурологии, лингвоконцептологии, теории перевода, а также в практике преподавания французского языка и русского языка как иностранного.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Лингвокультурный смысл «совесть» имеет сложную структуру и включает в себя понятийную, образную и значимостную составляющие. Научные представления о совести содержат

дефиниционные семантические признаки понятия «совесть», раскрывающие его сущностные свойства. Семантический прототип понятия «совесть», основанный на данных о нем в научном дискурсе, содержит следующие признаки: личностно-нормативный признак, отражающий способность самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности; волевой признак, отражающий способность осуществлять самоконтроль; рефлексивный признак, отражающий способность критически оценивать собственные поступки; эмоциональный признак, отражающий способность переживать свое несоответствие должному.

2. Общими характеристиками лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках являются: a) аксиологичность, обусловленная влиянием общей для двух языков христианской этики; b) противоречивость представлений о совести в двух языках – смешение научного понимания совести, отличающегося индивидуальным характером этических норм, и архаичного представления о совести как о моральном чувстве, связанном с неписаными правилами поведения; c) актуализация в обыденном сознании всех дефиниционных семантических признаков.

3. Национально специфичные особенности представления о совести в русском и французском языках детерминированы влиянием православия и католицизма соответственно, а также историческими событиями, оставившими свой след в характере коллективной языковой личности. Важнейшие различия сводятся к тому, что в русской ЯКМ намного сильнее сохранился архаичный образ совести как коллективной нравственности. Русская совесть несет в себе идею нравственных страданий, она более зависима от общества и более авторитарна. Во французской ЯКМ намного отчетливее выражено представление о совести как имманентном качестве человека, ее личностном характере и о ее слабости. Для французской совести характерны рациональность и независимость.

4. Различная наполненность лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках делает невозможным перевод с одного языка на другой исключительно при помощи основных репрезентатов этого смысла – лексем *совесть* и *conscience.*

5. Многозначная лексема *conscience* имеет несколько семантических кластеров, причем семантический вариант «совести»

уступает по частотности употребления семантическому варианту «сознание» и его производным. Нейтрализация полисемии лексемы *conscience* осуществляется чаще при помощи микроконтекста, реже – при помощи макроконтекста. Однако синкретизм ее значений «сознание» и «совесть» делает возможным наличие контекстов, в которых эта многозначность принципиально неразрешима.

Достоверность данного исследования обусловлена существенной теоретической базой, большим количеством лексикографических источников, обширным корпусом иллюстративных примеров, а также выбором адекватных методов анализа материала.

Апробация работы. Теоретические положения и основные результаты исследования излагались в виде научных докладов на II Международной научно-практической конференции «Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций» (Краснодар, 2020), на Международной научной онлайн конференции «Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация» (Волгоград, 2020), на XI Международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация и СМИ» (Барнаул, 2020 г.), на IV Международной научно-практической конференции «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Краснодар, 2019 г.), на II Международной научно-практической онлайн-конференции «Мир. Человек. Язык» (Владимир – Донецк – Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону, 2019 г.), на III Международной научно-практической конференции «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Краснодар, 2018 г.), на Межрегиональном научном семинаре молодых ученых (Армавир, 2008 г.), на заседаниях кафедры иностранных языков №1 ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».

По теме диссертации опубликовано 10 работ (3 из которых в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность исследования, степень разработанности его темы, новизна, определяется объект и

предмет исследования и ставятся цель и задачи. Для решения задач устанавливаются методы анализа и определяется теоретическая база. Формулируется гипотеза и положения, выносимые на защиту. Определяется теоретическая и практическая значимость работы.

В Главе 1 «Основные теоретические положения» излагается теоретическая база исследования, описываются подходы к определению понятий «лингвокультура» «языковая картина мира», «лингвокультурный смысл» и «лингвокультурный концепт», описываются базовые смыслы лингвокультуры, анализируются подходы к типологизации концептов. Рассматривается ассиметрия языкового знака, понятие многозначности и контекста. Проводится анализ представлений о совести в научном сознании.

Лингвокультура определяется как культура, воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах; это культура, явленная в языке и через язык. Под лингвокультурным смыслом понимается культурно значимое ментальное образование индивидуального или коллективного характера, вербализованное средствами языка. В данной работе исследование лингвокультурных смыслов проводится с использованием ставшего привычным в отечественной лингвистической науке за последние годы лингвоконцептологического подхода.

Несмотря на существенный разброс во мнениях о сущности лингвокультурного концепта, в понимании его отличительных признаков существует определенный консенсус. Основными обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются многомерность, иерархичность и этноспецифичность [Воркачев, 2014, с. 63].

Лингвокультурный концепт выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования, к компонентам которого причисляют понятийную, образную, значимостную и другие составляющие. Понятийная составляющая концепта образует его дефиниционную структуру, которая позволяет выделить класс этого концепта среди других классов того же рода. Она наполняется посредством определений, взятых из научной литературы и различных словарей, которые дают дефиниции членам лексического ряда, при помощи которых вербализуется концепт. Образный

компонент концепта составляют различные образные ассоциации, коннотативные и метафорические, которые окружают понятийное ядро концепта. Источником образной составляющей служат фразеологические словари, паремический корпус, а также корпус художественной и (реже) публицистической литературы. Значимостная составляющая определяет место, которое занимает имя концепта в лексической системе языка. Значимостная составляющая наполняется посредством данных из этимологических словарей, словарей синонимов и антонимов, а также корпусов текстов, которые предоставляют информацию о системных связях имени концепта и его речевом употреблении [Воркачев, 2017, с. 32-33].

Содержательно лингвокультурные концепты можно противопоставить как параметрические и непараметрические ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. Непараметрические концепты можно разбить на регулятивные и нерегулятивные. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент, ко вторым – синкретичные ментальные образования разного характера [Карасик, 2005, с. 97-98].

Одним из фундаментальных аспектов общей теории языка является принцип асимметрии языкового знака: асимметричные отношения связывают две стороны знака как двустороннего психического образования – план выражения и план содержания. Языковой знак постоянно стремится расширить или свой план выражения, или план содержания. Потенциальная многозначность слова в языке получает разрешение при актуальном функционировании слова в тексте, на основе указаний как лингвистического, так и экстралингвистического контекста. Многозначность языковых единиц, вербализующих лингвокультурные концепты, делает необходимым тщательный анализ значений, которые лексемы приобретают в разных контекстах.

Феномен совести рассматривается в таких областях науки, как этика, философия, культурология, психология и даже право. Лингвокультурный концепт «совесть» относится к социально-

регулятивным или социо-оценочным концептам, регулирующим отношение человека к другому. Понятийный компонент концепта в конкретной лингвокультуре целесообразно исследовать через сопоставление его с семантическим эталоном – научной дефиницией понятия, прототипом, лишенным (насколько это возможно) этнолингвоспецифических особенностей.

Анализ определений совести в энциклопедических словарях позволяет утверждать, что совесть является феноменом, объединяющим в себе когнитивный, эмоциональный и поведенческий компонент. Семантический прототип этой этической категории включает в себя следующие способности:

1) самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности (личностно-нормативный признак);

2) требовать от себя выполнения обязанностей из п. 1, осуществлять самоконтроль (волевой признак);

3) критически оценивать собственные поступки (рефлексивный признак);

4) переживать свое несоответствие должному (эмоциональный признак).

Данные существенные признаки, совокупность которых в принципе совпадает с дефиниционной частью полного, но не избыточного определения, составят семантический инвариант совести.

К импликативным семантическим признакам можно отнести пантогностический признак, отражающий всезнание совести, и релятивистский признак, отражающий относительность совести как средства самооценки.

В Главе 2 «Совесть в русской языковой картине мира» исследуются значимостная, понятийная и образная составляющие лингвокультурного смысла «совесть» в русском языке.

Русское слово *совесть* обычно возводят к старославянскому *съвѣсть*, употребляемого для передачи в переводных памятниках греческих слов *συνειδός* и *συνείδησις*. Предполагается, что старославянское *съвесть* является простым переводом при помощи калькирования этого последнего. История этого слова отражает переход от конкретно-чувственного переживания к абстрактной нравственной норме. Слово *съвесть* долго употреблялось для

выражения внешней формы знания. Семантическая эволюция трансформировала совместное знание в сознание, осознание: таков был второй этап развития слова. На третьем этапе сознание превращается в самосознание: совесть окончательно становится принадлежностью отдельного человека, приобретает личный характер.

В современных толковых словарях русского языка у лексемы *совесть* чаще всего выделяется лишь одно значение; в некоторых случаях оно распадается на два. Большинство словарей определяет совесть как чувство или сознание моральной ответственности за свое поведение как перед самим собой, так и перед обществом. Иногда к этому определению добавляется определение совести как личных этических принципов в качестве второго значения слова. Отметим, что в некоторых словарях это значение отделено от первого точкой с запятой, что указывает на их семантическую близость: по-видимому, обособление этих определений в качестве различных значений слова достаточно субъективно.

По данным толковых словарей, из всех однокоренных лексем сохранили свою связь с понятием совести только прилагательные *совестливый*, *совестный* и *бессовестный*, наречие *совестливо* и существительное *бессовестность*.

Лексема *совесть* достаточно слабо представлена в словарях синонимов русского языка. Среди таковых перечислены только *стыд*, *ответственность* и *убежденность*. Антонимом *совести* выступает *бессовестность*.

В словарных определениях лексемы *совесть* представлены личностно-нормативный, а также иногда рефлексивный (при определении совести как сознания) и эмоциональный (при определении совести как чувства) семантический признак. В словарях в явном виде не представлен волевой признак, но иногда присутствует отсылка к обществу, что несколько размывает подчеркнуто личностный характер семантического прототипа совести.

В русской фразеологии представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков. Но только треть из исследованных фразеологизмов отчетливо отсылает к смыслам, содержащимся в семантическом прототипе совести. Оставшиеся

фразеологизмы разделены между группой фразеологических единиц (ФЕ), состоящих из этических характеристик (честность, ответственность и др.) и описаний эмоциональных состояний (стыд, спокойствие), и группой ФЕ, дающих интегральную этическую оценку (наличие либо отсутствие совести). Спутниками или синонимами совести во фразеологизмах могут являться *душа, честь* и *стыд*, а ее антиподом выступает *страх*.

В русской паремиологии также представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков, но доля таких паремий составляет меньше половины. Чаще всего в паремиях представлен эмоциональный признак, проявляющийся в двух группах паремий. В первой говорится о спокойной совести: *Счастлив тот, у кого совесть спокойна.* Вторая говорит о действии нечистой совести, отбирающей покой и мучающей человека: *Злая совесть стоит палача.* За эмоциональным признаком следует личностно-нормативный: *Делай по своей совести, да других не соблазняй.* Далее следует рефлексивный (вместе с выводным пантогностическим) – *Добрая совесть любит обличение*; *От человека утаишь, от совести не утаишь.* Волевой же признак представлен единичными случаями, в том числе «с обратным знаком» – постулируется «слабость» совести: *Стыд под каблук, а совесть под подушку.*

В целом, в паремиях чаще всего отражаются обуславливаемые совестью эмоции или их отсутствие, а также многообразие личных норм поведения, эластичность личной совести. За пределами семантического эталона остались паремиологические представления о том, что совесть является высшим благом и ценностью (аксиологичность совести), а также о возможности отсутствия совести, возможности ее активизации/деактивизации и удобстве жизни без нее. В паремиях совесть идет рука об руку с другими понятиями – *душой*, *честью*, *стыдом* и *верой*.

По результатам анализа употребления лексемы *совесть* в корпусе русских текстов можно утверждать, что представлены все эталонные семантические признаки, причем в подавляющем большинстве случаев – в чистом виде. Безусловным лидером является эмоциональный (42%), за ним идет волевой (25%), рефлексивный (17%) и личностно-нормативный (13%). Импликативные семантические признаки встречаются довольно редко. Редки и те

случаи, в которых происходит актуализация лишь родового признака – при перечислении совести в ряду других понятий. В большей их части гипероним отсутствует в контексте. Самым частотным контекстуальным синонимом является *честь*. Отмечено лишь два случая использования лексемы с контекстуальными антонимами.

Таким образом, языковой образ совести в русском языке предстает как смешение противоречащих друг другу понятий: с одной стороны, это современное, научное понимание совести, отличающееся индивидуальным характером этических норм, с другой – это представление о совести как о неписаных правилах поведения, которых должны придерживаться все окружающие; их нарушение человеком ведет к отрицанию наличия у него совести. Апелляция к чужой совести больше подходит к этому второму пониманию, в то время как представление о возможности активизации совести не противоречит обоим. Второе понимание совести, сохранившееся главным образом во фразеологизмах, является очевидным архаизмом и отсылает ко второму (по В. В. Колесову) этапу семантической эволюции лексемы в русском языке.

Теснее всего с совестью в русской ЯКМ оказывается связан стыд. Совесть и стыд оказываются вместе и во фразеологии, и в паремиологии.

Образные представления о совести, содержащиеся в русском языке, весьма противоречивы. Наиболее ярко представленной оказывается биоморфная метафора: совесть предстает живым существом. В общем виде такие примеры говорят о спокойной или беспокойной совести.

В случае употребления отчетливо антропоморфных метафор совесть разнообразна и амбивалентна: с ней можно дружить или враждовать; ее голос беспокоит, но можно заставить ее замолчать. С одной стороны, совесть подвигает человека на действия – требует, заставляет, повелевает: *А все-таки пошел, потому что тебя <u>твоя совесть рабочая заставила</u>* (Н. Островский, 1934). С другой, она удерживает человека от совершения некоторых поступков: *Мальчик хотел сказать «а как же», но, как видно, гвардейская <u>совесть удержала его</u>* (В. Катаев, 1944).

Антропоморфная совесть также является судьей: *<u>Моим судьей была моя совесть</u> — и она вынесла мне справедливый приговор*

(Е. Коршунов, 1971). Перед такой совестью, как высшей инстанцией, человек держит ответ, он оправдывается, исповедуется и несет обязательства: *Так в свой предсмертный час исповедовались друг перед другом и перед своей совестью Андрей Валько и Матвей Шульга* (А. Фадеев, 1951).

Совесть всячески беспокоит, донимает человека, наносит ему удары: *Испытал человек смертельный удар совести и лишил себя жизни* (К. Симонов, 1970). Однако совесть не всесильна – с ней можно бороться и побеждать: *Со своей совестью Мейседон уж как-нибудь бы справился, жизнь, а особенно служба в Пентагоне хорошо закалили его в этом отношении* (Ю. Тупицын, 1986). Впрочем, взаимодействие человека и совести не сводится к отношениям насилия. Человек может ладить со своей совестью, беречь ее и спасать: *Эта возможность возвращала мне достоинство, и только таким образом, делая что-то для других, я мог спасти свою совесть, свою личность* (Л. Улицкая, 2006).

Многочисленны случаи использования зооморфной метафоры, когда совесть, как зверь грызет, глодает, пожирает человека: *Меня совесть совсем загрызла, честное слово!* (Н. Носов, 1958).

В случаях реификации совести она часто предстает предметом, чаще имеющим в качестве характеристики твердость: *Потому что совесть у меня дубленая*... (А. Лазарчук, 1997).

Следующей по частоте являтся пространственная метафора – совесть как поверхность. Находящиеся на этой поверхности поступки своим весом отягощают ее: *Но теперь что-то болезненное, огромное, тяжелое упало – и лежит посреди совести: не сдвинуть* (З. Прилепин, 2019).

Образная метафора представлена случаями переноса смысла слова *совесть* на человека и организацию, которые могут называться совестью как группы лиц, так и организации, страны, территории или времени: *Словом, киевлянка была общепризнанной совестью двора* (А. Волков, 1969).

Синтаксически исходная «ядерная» модель N P N в текстах весьма редка, как и сравнительная модель, а наиболее частотной является генитивная модель: *платье совести*, *весы совести*, *работа совести*, *калека совести*, *химера совести*, *узник совести* и т.д.

Во всех исследованных видах источников присутствуют пространственная, реиморфная и биоморфная (зооморфная и антропоморфная, но не ботаническая) метафоры. Специфичны для художественной литературы «газожидкостная» и «термическая» метафоры.

В Главе 3 «Совесть во французской языковой картине мира» анализируются значимостная, понятийная и образная составляющие лингвокультурного смысла «совесть» во французском языке.

Французское слово *conscience* произошло от лат. *«conscire»* – знать вместе, знание, разделенное со всеми. Слово употреблялось для обозначения ясного знания, родившегося внутри человека, и, таким образом, развилось в другое значение «интуитивное чувство того, что хорошо и плохо, интуитивное знание добра и зла», которое оставалось единственным значением этого слова вплоть до XVII века. *Conscience psychologique* впервые упоминается во французских текстах в 1676 году и его первым использует философ-метафизик Николя Мальбранш в значении «внутреннего чувства о чем-то, о чем невозможно сформировать ясное и четкое представление».

В современных французских толковых словарях словарная статья, посвященная *conscience*, делится на два больших раздела: *conscience psychologique* и *conscience morale*. В каждом из них описываются несколько значений. Некоторые словари к этим двум разделам добавляют дополнительные значения. В целом, в исследуемых словарях современного французского языка у лексемы *conscience* отмечается от 6 до 18 значений.

Анализ этих смыслов позволяет выделить следующие положения.

1. Во всех словарях французского языка *conscience* вначале определяется как понятие, тождественное русскому «сознанию» или «осознанию», именно физиолого-психологический смысл лексемы выступает для лексикографов на первый план, он насчитывает от 3 до 7 значений;

2. Для определения словарями понятия *conscience*, тождественного русской «совести», используется та же лексема *conscience* с прилагательным *morale*, т.е. *conscience*-совесть трактуется через *conscience*-нравственное сознание, что говорит о близости этих значений для лексикографов. Более того, вопросы веры

и убеждений в некоторых источниках находятся в ведении *conscience*-сознания, а не *conscience*-совести;

3. Во французском языке у лексемы *conscience* путем метонимии образовались следующие значения:

a) человека, наделенного сознанием;

b) значение места обитания осознанных психических явлений, а именно убеждений и верований;

c) человека как носителя убеждений, верований.

4. Во французском языке существуют несколько особенных «технических» значений лексемы, которые напрочь отсутствуют в русском языке.

Таким образом, у лексемы *conscience* можно выделить несколько семантических кластеров: 1) «сознание/осознание»; 2) непосредственно «совесть»; 3) «человек, наделенный принципами, убеждениями»; 4) «усердие, добросовестность, в т.ч. профессиональная»; 5) «технические термины». Имеют отношение к концепту *совесть* – п. 2 «совесть», п. 3 «человек, наделенный принципами, убеждениями», а также п. 4 «усердие, добросовестность».

В словарных определениях лексемы *conscience* превалирует рефлексивный признак (при определении лексемы как сознания/осознания). Во всех лексикографических источниках также представлен личностно-нормативный признак (при определении лексемы как свода правил и суждений) и эмоциональный признак (при определении *conscience* как чувства). В некоторых источниках у лексемы *conscience* также актуализируется волевой признак, когда она характеризуется как воля к добру или требование нравственной чистоты.

Синонимический ряд лексемы *conscience* сильно варьируется в зависимости от источника. Наиболее распространенными синонимами лексемы являются *sens morale, application, zèle, âme, cœur*.

Анализ толковых словарей показал, что из 37 синонимов лексемы *conscience,* заявленных электронными словарями, только у существительных *âme, cœur, moralité, scrupule* и *remords* в словарных статьях имеется отсылка к *conscience*.

В словарных определениях лексем *âme, cœur, remords* представлен только семантический признак эмоциональности. Словарные определения лексемы *scrupule* актуализируют волевой, рефлексивный и эмоциональный признаки, однако, как и определения остальных синонимов, не отсылают к личностному характеру. Словарные определения лексемы *moralité* актуализируют лишь родовой признак рефлексивности.

Среди однокоренных слов лексемы *conscience* только лексемы *consciencieux, consciencieusement* и *inconscience* сохранили связь со значением «совесть».

Во французской фразеологии представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков. Большая часть исследованных фразеологизмов отчетливо отсылает к смыслам, содержащимся в семантическом прототипе совести. В них представлены все выделенные в Главе 1 признаки, причем лидером является эмоциональный. Волевой признак представлен только «с отрицательным знаком»: в описываемых фразеологизмами ситуациях совесть не может воспрепятствовать совершению человеком действия, противоречащего его личным нормам. Существует целый ряд фразеологизмов, которые отражают взаимосвязь совести и веры. Фразеологизм *liberté de conscience,* обозначающий одну из главных ценностей нации, также, согласно словарям, сохранил косвенную связь с верой, и, в свою очередь, дал «рождение» новым ФЕ, таким как *clause de conscience* и *objection de conscience* для обозначения новых современных реалий.

Отдельная немногочисленная группа фразеологизмов, связанных с отсутствием совести, как и в русском языке, указывает на интегральную характеристику поведения человека, который действует вопреки общепризнанным моральным нормам. Однако не существует ФЕ со смыслом активизации совести: она либо есть, либо нет.

Во французской паремиологии совесть представлена не очень обширно. Лишь единичные паремии отражают признаки совести, отмеченные в научном сознании. Несколькими паремиями представлен рефлексивный (*Quand on te loue en vertu ou science, de ce sois juge en ta propre conscience*) и эмоциональный признаки (*Une bonne conscience est un bon oreiller)*. Одной паремией – нормативно-

личностный признак: *Mieux vault écouter la voix de la conscience, que le bruit de la renommée*. Волевой признак во французских паремиях не актуализируется. За пределами семантического эталона остались паремиологические представления о ценности совести, представленные самой многочисленной группой: *L'argent volé vault jamais ce qu'il coûte; bonne conscience coûte jamais ce qu'elle vault*.

Корпус иллюстративных примеров насчитывает 1887 случаев использования лексемы *conscience* в разных значениях. Примеры, в которых лексема сохраняет связь со значением «совести», составляют 801 единицу. Эта группа примеров, в свою очередь, содержит следующие подгруппы:

1) примеры, где *conscience* имеет значение «совесть» (750 примеров);

2) примеры, где *conscience* выступает в значении «добросовестность»/*conscience professionnelle* (44 примера);

3) примеры с лексемой *conscience* в значении «усердие, прилежание» (5 примеров);

4) единичные примеры, где лексема *conscience* обозначает честного человека.

По результатам анализа употребления лексемы *conscience* в корпусе французских текстов можно утверждать, что представлены все эталонные семантические признаки, причем в подавляющем большинстве случаев – в чистом виде. Лидерство делят между собой эмоциональный (29%) и рефлексивный (29%) признаки, немного уступает им по частотности нормативно-личностный (24%). Самым нечастым признаком является волевой (15%). Волевой признак актуализируется в корпусе примеров французского языка преимущественно «с отрицательным знаком». Большая группа примеров доказывает, что *conscience* часто оказывается слабой и бессильной.

Чаще всего рядом с *conscience* можно увидеть *âme*, реже – *cœur* и *mains*, значительно реже – *tranquillité, paix, devoir, sentiment.* Другие контекстуальные синонимы отмечены единичными случаями употребления.

Редкие примеры отсутствия совести свидетельствуют, что наличие совести во французской картине мира подразумевается априори, ее же отсутствие встречается нечасто и, в основном, влечет

за собой тяжкие преступления, а не просто нарушение норм поведения. Совесть во французской ЯКМ не теряется, не портится, ее состояние статично. Не зафиксировано примеров, где призывали бы иметь совесть, что также вероятно связано с ее априорным статусом.

Можно констатировать противоречивость образных представлений о совести, содержащихся во французском фразеологическом фонде. *Conscience* через призму фразеологизмов французского языка предстает концептом, транслирующим одновременно несколько разных образов, – это нежная и беззащитная девушка, это слабый противник, с которым договариваются и который капитулирует, это ученик, которого направляют. В «человеческом» образе *conscience* превалируют признаки слабости и компромиссности концепта. Среди «вещных» коннотаций преобладает образ совести как предмета купли-продажи – присутствующий, впрочем, и в русской ЯКМ, однако встречающийся с незначительной частотой.

В корпусе иллюстративных материалов представлена большая часть ФЕ и соответствующих метафор совести.

Биоморфная метаформа представлена большим числом употреблений, чаще всего присутствует ее антропоморфная разновидность. Совесть – хороший советчик, ее рекомендациям следуют: *Parle pour ta fille qui levait ses robes devant le premier Allemand venu, moi, j'ai suivi ma conscience* (F. Dard, 1946). Она также выступает в роли независимого внутреннего собеседника. Этот собеседник возражает и осуждает, часто упрекает: *C'est seulement en dernier recours que j'utiliserai ce moyen que ma conscience n'approuve pas entièrement, faut dire* (R. Queneau, 1959). Эмоционально совесть довольна устойчива. Из отрицательных эмоций можно назвать только, пожалуй, встревоженность: *Marguerite, à présent, ne bougeait presque plus de son lit, souffrant d'une fièvre où l'âme avait autant de part que le corps, et qui la maintenait dans un état de conscience trouble* (M. Druon, 1955).

Напротив, невозмутимость, спокойствие совести передается целым рядом метафор: *Pour qu'il soit tranquille. Conscience pépère* (K. Giébel, 2006). Зооморфная метафора представлена только сравнением совести с конем или ослом, который артачится или встает на дыбы: *Ma conscience regimbe* (San-Antonio, 1993).

К пространственной метафоре можно отнести представление о совести как о поверхности. На этой поверхности находятся разнообразные предосудительные поступки и грехи, чаще всего смерть (*mort, assasinat, meurtre, sang*): *Vous aurez ma mort sur la conscience* (G.-J. Arnaud, 1977).

Образная метафора представлена случаями переноса смысла слова «совесть» на человека, который может называться совестью как группы лиц, так и страны, организации и даже временного отрезка: *Et ils vous seront remis à vous, Monseigneur, car vous êtes la conscience de l'Église de la Nouvelle-France* (A. et S. Golon, 1980).

Во всех источниках присутствует пространственная, реиморфная и биоморфная (антропоморфная) метафоры. Специфичны для художественной литературы ботаническая и зооморфная метафоры, а также «газожидкостная» метафора.

В Главе 4 «Межъязыковая эквивалентность лексических единиц *совесть* и *conscience*» рассматривается ассиметрия смысла «совесть» в русском и французском языках, проанализированы контексты снятия многозначности лексемы *conscience,* рассматриваются понятия перевода и переводческих трансформаций. Объясняется выбор семантического варианта лексемы *conscience* при переводе на русский язык.

Сопоставительный анализ понятийной составляющей в соответствующих корпусах текстов позволяет утверждать, что русская совесть прежде всего отличается эмоциональностью, затем требовательностью и критической оценкой и менее всего склонна к установлению собственного свода правил. Французская совесть менее эмоциональна, более склонна к критической оценке, в большей степени готова формировать собственный свод правил, но не отличается требовательностью.

Сопоставительный анализ образных составляющих в двух языках показывает, что русская совесть, с одной стороны, более авторитарна – она повелевает, требует, заставляет. С другой стороны, она сама может терзаться и мучиться, в отличие от эмоционально устойчивой французской совести. Отличительным чертами совести в русской ЯКМ является также ее образ палача-мучителя.

Представляется, что на формирование представления о совести в русской и французской ЯКМ оказали существенное влияние

православие и католицизм соответственно. Обе конфессии являются христианскими и в основе своей имеют общее теоретическое учение и, соответственно, общее представление о нравственных ценностях. Ценностный компонент совести представлен в обеих лингвокультурах. Однако разное отношение православия и католицизма к вопросу греховности человека, к вопросу пользы страданий, к вопросам прав и свобод личности находит свое отражение в представлении о такой важной духовной категории как совесть. Кроме того, русская лингвокультура, веками находившаяся под влиянием православной соборности, в XX в. оказалась под влиянием коллективистской идеологии. В результате можно констатировать, что русская совесть менее индивидуальна, более зависима от общества, более авторитарна и сохранила в себе идею нравственных страданий. Французская совесть имеет гораздо более выраженный индивидуальный характер, более независима.

Контекст как средство семантической идентификации значений многозначной языковой единицы характеризуется различной степенью «разрешающей способности» и может быть «сильным», т. е. достаточным для однозначной идентификации всех ее значений, и «слабым» – недостаточным для такой идентификации. В зависимости от «разрешающей силы» контекста асимметричный дуализм лингвистического знака проявляется в речи как нейтрализация (в «сильных» контекстах) либо как синкретизм или как амфиболия (в «слабых» контекстах) [Жук, 1994, с. 7].

Анализ корпуса иллюстративных примеров и параллельных корпусов русского и французского языков позволил выделить «сильные» контексты для лексемы *conscience*. Самым частотным вариантом нейтрализации полисемии лексемы является ее ближний фразовый контекст. Для семантического варианта «сознания» характерно употребление *conscience* вместе с глаголами *prendre, reprendre, perdre, avoir* в словосочетаниях *prendre conscience que, prendre conscience de, reprendre conscience, perdre conscience, perte de conscience, avoir conscience de, avoir conscience que, prise de conscience*. Потенциальным фразовым контекстом, снимающим многозначность лексемы *conscience* в пользу «сознания», являются также прилагательные *claire* (и, соответственно, существительное

éclair), *lucide*, *aiguë,* словосочетания *seuil de conscience, champ de conscience*.

С другой стороны, сочетание лексемы *conscience* с прилагательными *bonne*, *mauvaise*, *tranquille* или глаголом *soulager*, например, недвусмысленно свидетельствуют о ее использовании в значении «совесть». Использование причастий *bourrelée, déchirée*, определяющих существительное *conscience*, также позволяет нейтрализовать ее многозначность в данном контексте. Их сочетаемость в этом значении отмечена словарями. Распространенным случаем нейтрализации является использование различных ФЕ с лексемой *conscience.*

Иногда ближний семантико-синтаксический контекст, необходимый для идентификации значений лексемы, может обладать недостаточной «разрешающей способностью». В этом случае целесообразно изучить контекст всего фрагмента или даже литературного произведения, который по смыслу определит в каком из значений использована лексема.

В некоторых случаях макроконтекстом может выступать не внутреннее содержание отрывка или произведения, а функциональный стиль. Для публицистики, не относящейся к тематике нравственности, предпочтительным семантическим вариантом лексемы *conscience* является «сознание».

В художественных произведениях разрешение лексической многозначности может быть реализовано посредством жанра произведения. В исторических романах предпочтительным семантическим вариантом является «совесть».

В небольшой группе примеров нейтрализация многозначности лексемы *conscience* может быть реализована при помощи вертикального контекста. Социально-исторический вертикальный контекст предполагает некое фоновое знание, имеющееся у читателя и позволяющее ему правильно интерпретировать содержание текста. Для лексемы *conscience* таким вертикальным контекстом можно считать некоторые ФЕ, значение которых читателю следует знать для понимания микроконтекста.

В абсолютном большинстве случаев микро- или макроконтекст способен нивелировать многозначность лексемы *conscience*. Однако близость значений «совести» и «сознания» во французском языке

допускает наличие примеров синкретизма, в которых ни один вид контекста не способен идентифицировать семантический вариант лексемы *conscience.*

В корпусе иллюстративных примеров среди всех 1887 случаев употребления лексемы 1050 раз она используется в значении «сознания/осознания», 801 раз – в значении «совесть» и лишь 36 случаев можно считать примерами синкретизма, в котором выделить семантический вариант не представляется возможным.

Анализ переводческих решений при работе с лексемой *conscience* осуществляется на основе двух классических романов – «Госпожа Бовари» и «Милый друг», а также сравнении текстов из параллельных корпусов русского и французского языков. В русских переводах романов очевидно, что в большинстве случаев перед переводчиками не стоит вопрос многозначности лексемы *conscience,* однако ее трансляция на русский язык осуществляется при помощи различных языковых средств, в т.ч. при помощи разных переводческих трансформаций.

Различная наполненность концепта «совесть» в русском и французском языках отражается на переводе не только соответствующих лексем, но и слов, их определяющих. Поскольку для русского языкового сознания совесть представляется как сила, как судья и палач, а во французском языке *conscience* – это больше советчик или слабый противник, при переводе с одного языка на другой порой невозможно прибегать к дословному переводу. Так, в параллельном корпусе мы видим во французском тексте *recommendation de sa conscience*, в русском переводе – *требования его совести*, во французском тексте *avec applaudissment de leur conscience*, в русском переводе – *с полного одобрения их совести*, в русском тексте *меня замучит совесть*, во французском переводе – *ma conscience n'aurait plus de répit*.

В параллельном корпусе русско-французских текстов основным вариантом трансляции русского концепта «совесть» во французский язык является лексема *conscience*, также встречаются лексемы *remords* и *âme*.

В Заключении излагаются итоги исследования и перспективы дальнейшей работы над темой.

Исследование совести, как важнейшей категории этики, может быть продолжено на материале других языков в направлении сопоставительного языкознания. В этом русле перспективным представляется сопоставление русского смысла «совесть» с западными и восточными представлениями о нем. Помимо этого, важным представляется исследование других этических и духовных категорий, которые составляют важнейшую часть внутренней жизни индивида, находящей отражение в жизни всего социума. Существуют также перспективы дальнейшей разработки темы полисемии в аспекте социально значимых категорий.

Основное содержание исследования изложено в следующих **публикациях** автора, среди которых:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Маркевич, Ю.В. Концепт «совесть» в русской лингвокультуре (на материале паремиологии) / Ю.В. Маркевич // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2009. – № 2. – С. 27–30.

2. Маркевич, Ю.В. Сопоставительный анализ русских и французских паремий с компонентом «совесть/conscience» / Ю.В. Маркевич // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград, 2020. – Т. 9. № 1 (30). –С. 255–258.

3. Маркевич, Ю.В. Образный компонент лингвоконцепта «conscience» во французском языке (на материале фразеологических единиц) / Ю.В. Маркевич // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград, 2020. – Т. 9. № 2 (31). С. 275–277.

Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов и периодических изданиях:

4. Маркевич, Ю.В. Особенности паремиологического представления концепта совесть в русском языке / Ю.В. Маркевич // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии. Материалы Межрегионального научного семинара молодых ученых. Армавирский государственный педагогический университет, Факультет иностранных языков; Ответственный редактор С. Г. Воркачев. – Армавир, 2008. – С. 49–52.

5. Маркевич, Ю.В. Реализация концепта «совесть» в паремиологическом фонде русского языка / Ю.В. Маркевич // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". – Краснодар, 2016. – № 4. – С. 383–392.

6. Маркевич, Ю.В. Отражение национального менталитета в пословицах и поговорках на примере концепта «совесть» / Ю.В. Маркевич // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, 25 октября 2018 г. – Краснодар: Изд. КубГТУ, 2018. – С. 167–174.

7. Маркевич, Ю.В. Понятийные признаки в семантическом составе лингвокультурного концепта «совесть» (на материале научного дискурса) / Ю.В. Маркевич // Мир. Человек. Язык. Сборник научных трудов II Международной научно-практической онлайн-конференции. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. – С. 42–48.

8. Маркевич, Ю.В. Семантический прототип концепта «совесть» в научном сознании и его реализация в русском обыденном сознании / Ю.В. Маркевич // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции, 25 октября 2019 г. – Краснодар: Изд. КубГТУ, 2019. – С. 499–505.

9. Маркевич, Ю.В. Амфиболия в рекламном дискурсе (на примере лексемы «совесть») / Ю.В. Маркевич // Межкультурная коммуникация и СМИ: Сборник научных статей / под ред. О.С. Саланиной. – Барнаул: Алт. ун-т, 2020. – С. 31–34.

10. Маркевич, Ю.В. Исследование синонимического ряда имени концепта «совесть» во французском языке / Ю.В. Маркевич // Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация. Электронный сборник материалов участников международной научной конференции. Россия, Волгоград, 20 октября 2020 года. / Сост.: Д.Ю. Гулинов, Н.В. Титаренко, А.А. Штеба. – Волгоград: РИЦ ГАУ ДПО «ВГАПО», 2020. – С. 113–118.